

КАРИН ВААЛЬ

НЕ БУДИ
ВО МНЕ
ТВАРЬ

Карин Вааль

Не буди во мне тварь

<https://litres.ru/74213138>

Аннотация

Меня зовут Эвия. Я — боевая целительница.

Меня сослали в «Тихий ручей» — лазарет для безнадёжных — за то, что я отказалась бросить раненого на поле боя, спасла ему жизнь. И теперь я здесь, в этом склепе, где только умирают, где пахнет плесенью и старой магией.

А ещё — в заброшенном крыле есть пациент, которого велено забыть. Под страхом трибунала!

Он лежит без сознания двадцать три года.

Слишком красивый, чтобы быть мёртвым.

Слишком красивый, чтобы не вызывать вопросов.

И сторожит его магистр Варг — обгоревший, покрытый шрамами, злой, пустой внутри.

Он уверяет, что пациент из заброшенного крыла — чудовище, которое нельзя будить.

Но я не готова оставить всё как есть!

Ведь я — целительница! А значит хоть один пациент в этой чёртовой лечебнице должен выжить!

Дорогие читательницы!

Приглашаю вас также в другие свои истории, в которых магия смешивается с любовью в остросюжетный коктейль эмоций:

"Охотница и Палач":

"Связанные ненавистью: проклятие Сирены": -

Содержание

Глава 1. Запретное крыло	5
Глава 2. Не ходи туда	14
Глава 3. Наказание	22
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Глава 1. Запретное крыло

Меня ссылают сюда за то, что я отказалась бросить раненого.

Звучит как подвиг?

Для трибунала это «нарушение субординации». Для меня — обычный вторник.

Тот бой мы проигрываем, командор орёт «отступить, бросить тяжелых», а у парня из пятого взвода разорваны половина грудной клетки и легкое. Я складываю их обратно невероятно сложным заклинанием всего за три минуты, под обстрелом. Мы оба выживаем.

Но правила есть правила. Героев награждают, а строптивых целителей ссылают в глушь.

«Тихий ручей». Магический лазарет для безнадежных. Место, где умирают тихо, потому что орать уже нет ни сил, ни необходимости.

Первые три дня я ненавижу каждую пылинку в этом склепе. Меня посылают мыть полы, чистить реторты и делать уколы пациентам, которые всё равно не просыпаются.

Сегодня утром я решаю: либо я отсюда сбегу, либо найду хоть одного больного, которому реально можно помочь. Иначе моя магия засохнет от тоски. Боевая целительница без боя — всё равно что меч без лезвия. Просто красивая железка.

А я, получается — просто красивая девчонка.

Ну, как красивая... На любителя, наверное. Курносый нос в веснушках, глаза цвета болот, огненно-рыжие волосы выются по плечам и до самой талии. На курсе меня прозвали Единичка. Потому что лезла вперёд, когда не надо, и тощая всегда была, как щепка.

Пока я окунаюсь в прошлое, старшая медсестра, сухая женщина с выражением лица в стиле похоронной процессии, суёт мне ведро и тряпку и бросает:

— Дуй в старое крыло. Протри полы. И не вздумай открывать запертые двери.

— А что там? — спрашиваю нарочито небрежно, хотя внутри уже просыпается азарт.

— Засекречено. Приказ магистра, — отрезает она и уходит, оставляя после себя запах камфары и равнодушия.

Магистр. Главный врач этого морга под названием лазарет. Я видела его один раз — мелькнул в коридоре, закутанный в мантию с капюшоном, будто солнце — его личный враг. Мне показалось, что от него пахнет серой и старыми ожогами. В тот раз я успела заметить только край его лица и багровые шрамы, стягивающие кожу.

Не знаю, что с ним случилось. И, честно говоря, мне плевать. Меня не волнуют страдания начальства. Меня волнует только одно: как отсюда выбраться.

Беру ведро. И иду открывать запретные двери.

Старое крыло оказывается именно тем, что я ожидаю уви-

деть: заброшенная пристройка, где время остановилось лет двадцать назад. Штукатурка сыплется с потолка, как перхоть великана. В воздухе висит пыль — густая, золотистая в косых лучах из грязных окон.

Мои шаги гулко отдаются в пустоте, где давно умерли голоса.

Прислушиваюсь — только моё дыхание и редкое потрескивание старых половиц под ногами. Пахнет мышами, плесенью и чем-то сладковато-противным — то ли старыми медикаментами, то ли разложением. Мой нос целительницы различает сотни запахов, но этот — чужой, не больничный. Он напоминает мёд, оставленный в склепе лет на двести.

Полы здесь никто не мыл, кажется, со дня основания.

Я пинком отшвыриваю ведро к стене — чёрт с ним. Скажу, что драила до блеска, но всё снова запачкалось. Здесь всё равно никого не бывает.

Иду по коридору, заглядывая в палаты.

Пусто. Пусто. Пусто. Кровати голые, матрасы выпотрошены — из дыр торчит пожелтевшая вата, похожая на внутренности умерших зверей.

На следующей двери висит табличка с номером семь и амбарный замок, покрытый рыжей ржавчиной. Он хрустит под пальцами, как старый сухарь. Прикладываю небольшое усилие магией — и дужка разжимается со стоном.

Дверь открывается с протяжным скрипом, будто её никогда не трогали человеческие руки.

Внутри темно.

Щёлкаю пальцами — на ладонке появляется диагностический огонёк. Слабый голубоватый свет скользит по стенам, выхватывая из темноты... чьё-то тело.

Оно лежит на кровати — единственной целой в этой палате. Белая простыня натянута до подбородка, руки поверх одеяла, длинные пальцы сложены словно для молитвы. Сразу понимаю — мужчина.

Делаю шаг ближе. Огонёк поднимается выше, освещает лицо.

И я забываю, как дышать.

Это самое красивое лицо, которое я когда-либо видела.

Идеальные скулы — резкие, точно высеченные из мрамора. Чёткая линия челюсти. Тёмные, длинные ресницы — они отбрасывают тени на бледные щёки, будто кружево. Губы — чуть приоткрытые, словно он хотел что-то сказать, но в последний момент передумал.

Такие лица рисуют на старых фресках и называют богами. Я никогда не верила в красоту — не моё поле, не мои пациенты. Но сейчас мой внутренний циник идёт на перекур.

На секунду представляю, какие у него глаза. Небесно-голубые? Зелёные, как лес после дождя? Или может — тёмные, как омут, в который хочется падать и падать?

Трясу головой.

Ты целитель, Эвия! А не влюблённая девица из дешёвых романов!

Опускаюсь на колени рядом с кроватью — половица жалобно скрипит под моим весом. Беру его за запястье — проверить пульс. Кожа тёплая. Живая. Слишком живая для человека, который выглядит так, будто провёл здесь годы.

Мой профессионализм берёт верх над эстетическим восторгом: начинаю сканировать. Дыхание ровное, глубокое — неестественно ровное, как у куклы, которую завели. Зрачки не реагируют на свет (я подношу огонёк к глазам — ноль реакции).

И пульс.

Его нет!

Я хмурюсь. Не знаю ни одного заклинания, ни одной травы, ни одного проклятия, которое позволяло бы телу оставаться живым без пульсации сердца. Что-то сбоит на уровне, куда моя диагностика не может проникнуть.

Я тянусь магией глубже — хочу заглянуть внутрь... и в тот же миг меня отшвыривает от кровати.

Спиной впечатываюсь в стену. Голова трескается о штукатурку, перед глазами плывут зелёные круги, как при контузии. Ведро с грязной водой опрокидывается, заливая пол мутной жижей.

Моя магия гаснет, будто кто-то задул свечу одним резким выдохом.

Такого со мной не было даже в бою.

— Ты что здесь делаешь?

Голос низкий, рычащий, как у пса, которого разбудили в

неподходящий момент.

Поднимаю голову, и затылок отзывается острой болью.
В дверях стоит магистр.

Как он подошёл так тихо? Я целитель, мой слух тренирован различать хрипы и стоны за сто метров. А этот... просто материализовался из пыли.

Капюшон накинута — я вижу только нижнюю часть лица. Обгоревшую, в багровых шрамах, которые тянутся к подбородку, обезобразив то, что когда-то, возможно, было красивым. Губы — тонкие, сжатые в одну белую линию. Тошнотворную.

Он шагает в палату, и пыль под его сапогами крутится маленькими смерчами. Мне кажется, что температура в комнате падает на несколько градусов.

— Я... мыть полы пришла, — выдыхаю, пытаюсь встать. Ноги не слушаются — его магия всё ещё жжёт вены, оставляя горький привкус металла на языке. — Замок был сломан, я подумала...

— Ты подумала? — он усмехается. Его смех похож на треск горящей древесины. — Целители вроде тебя не умеют думать. Иначе ты бы не стояла сейчас здесь, а драила бы реторты в подвале, где тебе и место.

Проходит мимо меня, даже не взглянув. Я чувствую сквозняк от его мантии — пахнет гарью, серой и старостью. Почему-то мне кажется, что этот запах — не от одежды.

Он останавливается у кровати. Поправляет одеяло.

Жест такой бережный, будто под этими простынями лежит не тело, а хрупкий сосуд, который разобьётся от малейшего сквозняка.

У меня перехватывает дыхание.

Этот человек за секунду до этого швырнул меня в стену, как тряпичную куклу. А теперь стоит над спящим красавцем и... боится потревожить его сон?

Это пахнет безумием.

— Кто он? — спрашиваю. Мой голос звучит слишком громко в этой пыльной тишине.

Магистр резко оборачивается. В просвете капюшона я вижу глаза — светлые, почти прозрачные, с таким холодом, что мне становится дурно. Они совершенно пустые. Как у того, кто смотрел на смерть так долго, что перестал различать живых.

— Не твоё дело, — цедит он сквозь зубы.

— Я целитель, — поднимаюсь, потирая ушибленный затылок. Под пальцами что-то липкое. Кровь? А, ничего смертельного. — Может быть, я смогу помочь...

— Ты можешь помочь, — перебивает он, — если исчезнешь отсюда. И забудешь, что видела эту палату. Потому что если я узнаю, что ты вернулась сюда...

Он замолкает. Не договаривает. Но его руки — те самые, которые только что поправляли одеяло с такой нежностью — сжимаются в кулаки. Костяшки белеют. Хрустят суставы.

— Что? — я усмехаюсь, хотя внутри меня всю трясёт. Я боевая целительница, чёрт возьми! Я перевязывала раны под пулями. Я не испугаюсь обгоревшего магистра с комплексом бога. — Уволите? Меня итак уже сослали в самую дыру империи. Хуже, чем здесь, не бывает.

Он шагает ко мне.

Я не успеваю отступить — он нависает прямо надо мной. Его мантия касается моего плеча, и мне кажется, что ткань обжигает. От него пахнет гарью. Старым пеплом. Той сладкой нотой, которую я учуяла в коридоре — только теперь я понимаю: это не лекарства. Это он.

— Хуже бывает, — говорит тихо. Дыхание хриплое, рваное, будто он давится каждым вдохом. — Я могу сделать так, что ты уйдёшь отсюда не целительницей. А пациенткой. Или не уйдёшь вовсе... У меня есть свободная койка в подвале. Для тех, кто слишком много болтает.

Он смотрит на меня своими пустыми глазами. И я почему-то верю, что он не шутит.

Потом он разворачивается. Мантия взлетает вверх, как крыло старой вороны. Он выходит, не оглядываясь. Сапоги стучат по коридору.

А я остаюсь стоять посреди разлитой воды.

Носы моих туфель промокли насквозь, но я не чувствую холода. Я смотрю на закрывшуюся дверь. Слушаю, как колотится моё сердце где-то в горле.

Потом перевожу взгляд на кровать.

На это лицо — такое же спокойное, прекрасное, нетленное. Он не проснулся. Даже не повернул голову. Интересно, он вообще может проснуться? Или он здесь... навсегда?

— Я вернусь, — шепчу я одними губами. — Ты слишком красив, чтобы умирать в этой дыре. И он... слишком странный, чтобы его слушаться.

Перевожу взгляд на свои руки. Только теперь замечаю, что они дрожат.

Боевая целительница, мать твою.

Любительниц жарких историй приглашаю в свой роман "Молчи, я тебя хочу".

Для тех, кто любит тёмные истории и харизматичных подонков ;)

<https://litnet.com/shrt/ZecS>

Глава 2. Не ходи туда

Ночью я не могу уснуть.

Лежу на узкой койке в каморке для младшего персонала и изучаю потолок. Он низкий, бетонный, весь в трещинах. В темноте они похожи на артерии и вены в теле человека.

Я плююсь в них уже несколько часов — с тех пор, как погасила свет и залезла под тощее казённое одеяло.

В щель между ставнями сочится луна. Бледная, холодная, дохлая какая-то. Ложится полосой на пол, на мои туфли у кровати, на руки, сложенные поверх одеяла.

Потолок надоедает, и я перевожу взгляд на свои руки. Шершавые. В мозолях. Руки работяги, а не девицы из хорошей семьи.

О семье думать не хочется... Да и не могу!

Только одна мысль не даёт покоя:

Варг приказал не соваться в старое крыло.

Но он не сказал почему.

Кто этот пациент. Как он сюда попал. Почему у него нет пульса и за столько лет — сколько? Двадцать? Больше? — его лицо нетленно, как у святого в стеклянном гробу.

А ещё — жутко интересно, почему магистр Варг сам выглядит как покойник, которого забыли закопать.

Он не сказал ни-че-го.

А я не умею оставлять вопросы открытыми. Это как рана

без швов — оставишь, начнётся заражение.

Поэтому вопросы внутри меня плодятся, как бактерии, лезут к горлу, мешают дышать.

К утру не выдерживаю, подскакиваю на кровати. Простыня сползает, открывает колени — бледные в мёртвом лунном свете.

Сердце колотится так же, как тогда на поле. Когда командор орёт «отступать», а я не могу отвести взгляд от парня с развороченной грудной клеткой.

Я знала, что подписываю себе приговор. Что меня могут расстрелять за нарушение приказа в боевых условиях. Или — я не знаю, что страшнее — вышвырнут из армии с волчьим билетом.

И всё равно побежала.

Подписала себе смертный приговор.

Но ведь выжила? И он выжил... Тот солдатик.

Может, и в этот раз проскочим?

Натягиваю форменную куртку поверх ночной рубашки. Рубашка тонкая, почти прозрачная — не стыдно, я одна в комнате. Засовываю ноги в туфли — разношенные, сбитые на пятках, помнящие ещё марш-броски с академии.

С тумбочки беру магический фонарик. Контрабандный, купленный у второкурсника с артефакторики. Светит тускло, но жрёт магию экономно — на одной подзарядке работает неделю. И главное — почти не фонит, потому что собран из мусора. Магическое сканирование его не увидит.

То, что надо для ночных вылазок.

— Если не я — то кто? — подбадриваю себя, пританцовывая на месте, и выхожу из комнаты.

Коридоры лазарета днём серые, казённые, с белёными стенами и линолеумом, по которому шаркают тапки пациентов. Пахнет лекарствами и столовской едой.

Ночью всё меняется.

Стены уходят в темноту так высоко, что я не вижу потолок. Коридоры тянутся и тянутся — я иду, а им нет конца. Тишина густая, вязкая, как кисель из столовой.

Каждый мой шаг звучит на весь лазарет. За каждым скрипом половицы мне чудится пациент, открывающий глаза. За каждым шорохом — медсестра, которая крадётся по коридору, чтобы сцапать меня за шкуру.

Но никто не выходит. Ни одна дверь не открывается.

Пациенты спят после ночных процедур. Медсёстры дрыхнут в своей комнате на первом этаже. Старшая ещё в восемь умотала домой — у неё семья в городе.

В этом длинном тёмном коридоре — только я.

Интересно, что сделает Варг, если застукает меня? Уволит?

Из груди вырывается невольный смешок.

Убьёт?..

Нет, ну не убьёт же, в самом деле...

В такие моменты я ненавижу свою упрямость. Потому что тот пациент — нетленное, прекрасное тело — нужен за-

чем-то именно мне. Не Варгу. Не лазарету.

Мне.

Не знаю — зачем и почему. Но жутко хочется понять.

Старое крыло встречает знакомым запахом.

Пыль. Плесень. И сладкая нота — теперь-то я знаю, это не лекарства. Это магия. Тяжёлая, старая, больная. Она вросла в стены много лет назад и не может выбраться.

Как и все мы, кто застрял тут.

Открываю дверь в знакомую палату.

Замка сегодня нет. Ни магического, ни обычного. Дверь поддаётся от одного касания.

Вероятно, Вург решил, что мне хватит мозгов не приходить. Или поленился вешать новый замок. Или... или знает, что я всё равно приду, так какой смысл тратить силы?

Глупец.

Хотя... может, он просто устал. За двадцать лет одиночества смирился, что рано или поздно кто-то найдёт путь к его сокровищу.

Фонарик выхватывает из темноты угол кровати, край тумбочки, одеяло.

И лицо. Всё такое же прекрасное.

Мужчина лежит в той же позе — руки поверх одеяла, пальцы сложены как для молитвы, голова чуть набок. Как спящий ребёнок.

Ставлю фонарик на тумбочку — чтобы свет падал на лицо, но не бил в закрытые глаза.

— Я пришла, — говорю шёпотом.

Вот бы я удивилась, если бы он ответил!

Но он, конечно, не отвечает. Даже не шевелится.

— Ты не поверишь, что вчера было, пока ты тут валялся, — продолжаю, усаживаясь на стул рядом. — Магистр Варг, твой сторожевой пёс... он очень странный. Ты же в курсе? Орал на меня, угрожал трибуналом, швырял в стены магией. Представляешь? А потом...

Провожу пальцами по простыне — как Варг вчера. Разглаживаю невидимую складку.

— Не знаю, что у вас за история. Может, ты ему родственник. Сын? Или просто друг? Может... он просто псих, который привязался к пациенту, потому что у него больше никого нет. — Замолкаю, разглядывая его лицо. — Но ему не плевать на тебя. Он не хочет, чтобы ты умирал. Иначе давно бы отключил всё... что тебя держит.

Тянусь к его руке. Она лежит на одеяле — длинные тонкие пальцы, бледная кожа, голубоватые вены, просвечивающие, как реки на карте.

Беру за запястье. Проверяю пульс.

Ничего.

— У тебя нет пульса, — шепчу. — Я такого никогда не видела. Даже в учебниках не встречала. Так... так не бывает. Или бывает, но только... видимо об этом не пишут для открытого доступа.

Веду пальцем по его руке — от запястья к локтю, по гладкой коже. Ни шрама. Чистая, идеальная поверхность, как у фарфоровой куклы.

Я редко встречала таких — на поле боя все покалечены. — Я выясню, что это значит. Чего бы мне это ни стоило.

Перебираю его пальцы. Один за другим. Большой. Указательный. Средний. Безымянный. Мизинец. Потом обратно. Как чётки. Как молитву, слов которой не помнишь, но знаешь ритм.

— Я тебя вытащу, — выдыхаю, наклоняясь ближе. Так тихо, что даже призраки не услышат. — Даже если он против. Даже если весь лазарет будет против. Даже если меня уволят и вышвырнут вон.

Смотрю на ресницы — две тёмные дуги на бледных щеках.

— Ты даже не сопротивляешься? Тогда это будет легко, — добавляю с горькой усмешкой.

Он не отвечает. Не открывает глаза. Не шевелит губами. Его чёртово сердце не бьётся!

Но я готова поклясться своей лицензией, своей жизнью, своей душой, если она у меня есть — он живой.

Я сижу ещё долго. Час, может, два. Я не считаю.

Держу его за руку и просто рассказываю о событиях — для кого-то неважных, — которые наполняют мою неинтересную жизнь.

О поле боя и парне под обстрелом. Его звали Торн, пя-

тый взвод, у него мать и младшая сестра. Он написал мне через месяц после выздоровления четыре строчки корявым почерком — я до сих пор таскаю письмо в кармане форменной куртки.

О том, как я ненавижу этот лазарет. Не только из-за запаха. Не только из-за Варга, который смотрит пустыми глазами и пугает меня до чёртиков, хоть я никому и никогда в этом не признаюсь.

О том, как я хочу обратно — туда, где магия льётся с кровью, а не с плесенью. Где каждый мой навык нужен сию секунду, а не гниёт в грязных ретортах.

О том, как я боюсь однажды стать такой же, как Вург. Сгоревшей дотла.

Я встаю, когда за окном начинает сереть. Предрассветная муть пробивается сквозь грязное стекло, смешиваясь с синим светом моего фонарика.

Последний взгляд на него. Глажу взглядом скулы, ресницы, губы.

— Завтра я вернусь, — шепчу. — И послезавтра. И послепослезавтра. Я не отступлюсь. Ты слишком красив, чтобы гнить в заброшенном крыле. А он... слишком странный — твой сторож, магистр Вург, — чтобы я ему доверила тебя.

Я улыбаюсь — впервые за весь этот чёртов месяц. И выхожу в коридор, тихо притворяя дверь.

Завтра я вернусь.

Даже если магистр Вург прийдёт меня лично. Даже если

мне до конца жизни придётся драить реторты. Даже если я никогда больше не увижу поля боя.

Я его вытащу.

Я должна.

Глава 3. Наказание

Наказание приходит быстрее, чем я ожидаю.

Я ещё не успеваю дойти до своей каморки, чтобы переодеться перед рабочим днём — в коридоре меня перехватывает медсестра — та самая, с лицом как у похоронной процессии. Суёт в руки грязную тряпку и ведро. Ведро тяжёлое, в нём что-то булькает. Пахнет едко — кислотами, которыми отмывают старую алхимическую посуду.

— Сегодня в подвал, — бормочет она, глядя сквозь меня, как сквозь грязное стекло. — Драишь алхимические реторты. Руками. Без магии. — Она подчёркивает последние слова с явным удовольствием.

Я стараюсь держать лицо спокойным, хотя внутри всё закипает.

— А если откажусь? — спрашиваю небрежно. — Без магии я себе все руки сожгу. Кто потом будет полы мыть в... заброшенном крыле?

Она, наконец, достаивает меня взглядом. Колючим, как игла от капельницы.

— Тогда он вышвырнет тебя сегодня же. И напишет в трибунал, что ты непригодна. — Я вижу, что она смакует каждое слово. — С таким рекомендательным письмом тебя не то что на поле боя — в деревенскую лечебницу не возьмут. Будешь мыть полы в трактирах и... лечить крыс от блох!

Разворачивается и уходит, не оглядываясь. За ней тянется запах лекарств и холодного превосходства.

Внутри поднимается ярость. Тягучая, горячая, как расплавленное стекло. Растекается по груди, ползёт к горлу. Приходится сжать зубы, чтобы не заорать.

Трибунал!

Он снова угрожает мне трибуналом за то, что я просто зашла в палату. За то, что попыталась понять, что с пациентом. За то, что сделала ровно то, чему меня учили четыре года в академии!

Сжимаю ручку ведра так, что пальцы белеют.

Потом медленно разжимаю. Вдыхаю и выдыхаю как можно медленнее. Воздух в коридоре спёртый, с лекарственным привкусом, но надо просто наполнить лёгкие, чтобы успокоиться.

— Ты боевая целительница, Эвия. — бормочу я, напоминая себе, чего я стою. — Ты зашивала осколочные ранения под шквальным огнём. Ты вытащила с того света семнадцать бойцов — семнадцать, поимённо помнишь каждого, — когда остальные целители уже строчили на них прощальные протоколы. Ты латала разорванные лёгкие, собирала позвончики по кускам, возвращала людей из такого состояния, когда от них оставалась только кровавая каша и слабая искра жизни. Ты...

Ты справишься с одним обгоревшим главврачом.

Ты справишься с его дурацкими ретортами.

— Ты справишься.

Подхватываю ведро и иду в подвал.

Подвал «Тихого ручья» — это отдельный круг ада, о котором мне забыли рассказать на собеседовании.

Здесь холодно и сыро. Но сырость особенная — магическая. Я чувствую её каждой клеткой, как только ступаю на каменные ступени. Она липнет к коже невидимой плёнкой, забирается под одежду, щиплет глаза. Воздух плотный, тяжёлый — его невозможно вдохнуть полной грудью. Он давит на плечи, пригибает к земле.

А запах... Старая, злая, отработанная магия — такой она остаётся после сильных проклятий или долгой болезни. Я узнаю его из тысячи. Он преследовал меня в палатах тяжело раненых, въедался в одежду и волосы — не отстирать, не выветрить.

Оглядываюсь по сторонам.

Реторты выстроились на длинном каменном столе. Двадцать три штуки. Разные по размеру, но в одном состоянии — все покрыты толстым слоем чёрного налёта. Не грязь даже — застывшая смола. Простой водой не берётся, простыми растворами не смывается.

Я всё таки пробую магию — вливаю немного силы в тряпку, провожу по стеклу. Налёт поддается неохотно, словно сопротивляется. Отходит тонкими стружками, оставляет полосы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.